

Всего тираж 1000 экз. Издательство ИВ АН СССР
Этот экземпляр 20/11/1932 г. № 1000

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ
ТРУДЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА
СЕКЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

С. ТЕР-АВETИСЯН

ПОХОДЫ ТАМАС-КУЛИ-ХАНА (НА-
ДИР-ШАХА) И ИЗБРАНИЕ ЕГО ША-
ХОМ В ОПИСАНИИ АКОПА ШАМА-
ХЕЦИ

Ар

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА КАВКАЗОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ
НАУК СССР. ТИФЛИС. 1932

21

5

2 000

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ
ТРУДЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА
СЕКЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

902 (Ар)
А-406

С. ТЕР-АВETИСЯН

ПОХОДЫ ТАМАС-КУЛИ-ХАНА (НА-
ДИР-ШАХА) И ИЗБРАНИЕ ЕГО ША-
ХОМ В ОПИСАНИИ АКОПА ШАМА-
ХЕЦИ

Ар

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА КАВКАЗОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ
НАУК СССР. ТИФЛИС. 1932

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР.

Непременный секретарь академик В. Волгин.

Редактор издания академик

Н. Я. Марр.

Технический редактор

Б. И. Корнеев.

(23373/38)

25 4491

4543-2000

1-я тип. Полиграфгоста ВСНХ Грузии

Глав. № 1971.

Заказ. 2124

Тар. 600.

Труд Акопа Шамахеци «Походы Тамас-Кули-хана (Надир-шаха) и избрание его шахом» сохранился в недавно найденном, принадлежащем ему, рукописном сборнике «Шагогакан», относящемся к 1743 году нашей эры (XVIII в.).

Автор «Шагогакана» — личность, известная в армянской истории. По дошедшим до нас архивным данным, до 1759 года он состоял преподавателем в Эчмиадзинской монастырской школе, впоследствии был избран армянским католикосом и умер в 1763 году. По свидетельству католикоса Симеона, Акоп Шамахеци — «человек полезный и советчик, умный и талантливый во всех делах и даровитый»¹.

Написан «Шагогакан» в Новой Джульфе, которая в то время являлась центром армянской мысли, и содержит в себе, помимо упоминаемого описания походов Тамас-Кули-хана и избрания его шахом, всю необходимую тогдашней монастырской среде убогую науку, состоявшую из проповедей, календаря, алфавитного списка имен четьи-минеи, церковных канонов, а также нескольких стихотворений автора сборника. В настоящее время рукопись «Шагогакана» является собственностью Государственного музея Армении².

Следует указать, что помимо пространной записи о Тамас-Кули (впоследствии Надир-хан), сборник включает в себя еще несколько коротких заметок о нем же, две из коих, заслуживающих внимания, приводятся нами ниже:

1. «Горе моей несчастной жизни из-за этих горьких дней, так как, когда я писал эти строки, в шестой час дня, во вторник, в праздник родителей богородицы, в год 1181 (1732 нашей эры), 22 августа, полководец из

¹ *Զարթ*, Эчмиадзин, 1873 г., стр. 32—33.

² №№ 835—848.

Хорасана, по имени Тамас-Кули [Надир-хан], силой низложил с престола шаха Тамаса и воцарил 56-дневного его сына. Ой, что должен испытать несчастный наш народ!».

2. «Ой, горьчайший час! От несчастного народа армянского, от джюльфинцев взял он [Надир-хан] шесть девочек десятилетних и вернул их родителям, ибо не понравились они ему».

Возвратившись из Новой Джульфы в Эчмиадзин, Акоп Шамахеци принимает активное участие в монастырских делах. В 1755—1759 гг. он аккуратно ведет приходо-расходные книги Эчмиадзина, хозяйство которого занимало тогда видное место в экономике края¹.

До самого последнего времени в армянской историографии был известен труд о походах полководца Тамас-Кули (Надир-хан), правда, не имеющий надлежащего критического исследования, принадлежащий перу армянского католикоса Авраама Кретаци², участника избрания его в 1736 г. на Мугани на персидский престол. Однако, записи Шамахеци являют собою более ценный источник о Надир-хане, поскольку автор их, как очевидец, сумел более подробно, чем Кретаци, изложить современные ему события. Например, им подробнее описано посещение Надир-ханом Эчмиадзинского монастыря, битва с турками под Егвардом и т. д.

Труд Акопа Шамахеци обнимает период, начиная от нашествия авганцев и взятия им Исфагани до избрания Надир-хана шахом персидским (1722—1736 гг.), причем, особо заслуживает быть отмечено в писаниях обоих упомянутых армянских историков, чрезвычайно точных в хронологии и топографии, почти полное отсутствие расхождений в передаче исторических событий.

Кстати, отметим тут же, что в Эчмиадзинской государственной библиотеке обнаружена недавно карманная записная книжка Авраама Кретаци, состоящая из 42 листиков малого

¹ Эчмиадзинский государственный архив. Дела № 19 и 20.

² Лучшая, наиболее полная рукопись труда Кретаци, описанная мною в 1902 г., находится в Ново-Джюльфском монастыре спасителя.

формата, в которую он собирал сырой материал для будущего своего труда по истории Надир-хана. Первые 12 страниц этой книжки содержат в себе описание путешествия Кретаци, верхом, из Текир-тага через Токат—Эрзерум—Карс в Эчмиадзин. Дальнейшие же страницы представляют собою дневник Кретаци о походах Надир-хана в пределах Армении, когда Кретаци, в качестве армянского католикоса, не раз приходилось посещать этого полководца и подносить ему различные подарки, подробно перечисляемые в книжке. И, нужно сказать, что эти черновые записи в походной книжке Кретаци передают события, связанные с историей воцарения Надира-хана, более живо и содержат в себе более ценный материал, чем это мы имеем в официально составленной им истории.

Живым разговорным языком передает, например, Кретаци посещение Надиром со своим гаремом Эчмиадзина, битву у селения Егвард и поражение турок, а также описание своей поездки, вслед за Надиром, в Тифлис, где ему удалось спасти 300 армянских семейств от выселения в Хорасан. Записи свои Кретаци доводит до того места, когда он получает от Надира приглашение выехать на Мугань представителем армян.

Дневник Кретаци представляет громадный интерес не только с точки зрения истории, но и экономики Турции и Персии (цены на товары и т. д.). В виде образчика, приводим из него отрывок, занимающий страницы 13а и 13б.

«В лето 1184 (1735 г. н. э.), 27-го мая, во вторник, в третий день сошествия духа, поднялся я и поехал к великому хану Надир-кули, он же—Тамас-хан. Ночь провели в Оаннаванке, а в среду направились в яйлу [кочевки] Абарана, в местность называемую Ширакала. В этот день не смогли мы повидаться с ханом и были отведены в гости, в палатку насахчибаши Абдул-Гасан-бека. В четверг же пригласили нас к хану с следующими нашими подарками: 3 коня, 2 мула, посуда для розовой воды и один сосуд для благовонных курений, 3 пары подушек, шитых золотом, сахар, мыло, 200 тавризских литров рису, 200 литров муки, 20 литров масла и один кувшин розовой

воды. Затем: 4 куска сукна, 3 куска пакраста, хлеб, гата и 5 баранов.

Эриванскому же хану подарили: 1 мула, 1 кусок сукна, пару подушек биледжикских, 1 пару туфель, купленных за семь курушов, шербет, сахар и мыло.

Сардару дали: 1 кусок пакраста, 1 кусок сукна, пару подушек биледжикских, сахар, шербет, мыло и одну пару туфель.

Визирю Мирза-Мехти дали: кусок пакраста (я лично от своего покраста отдал), затем один кусок алой материи, мыла и 20 шааи золотом.

Насахчибаше отдали: 1 кусок сукна и мыло, затем одну лошадь (большую хошаванскую лошадь отдали), 1 кусок алой материи и прочие вещи.

Июня, 2-го дня, в понедельник, великий хан Тамас приехал в святой Эчмиадзин, был принят торжественно—крестным ходом с хоругвями, и велел начать службу, а сам сидел в кресле перед главным алтарем и, внимательно слушая, спрашивал об изображениях многих святых. Когда служба кончилась, я вышел на амвон, в облачении, и благословил его. И так как он обращался ко мне по-турецки, я также отвечал ему по-турецки. Потом подарил я ему двух мулов, одну лошадь и 9 кусков гутни. Три куска золотой парчи разостлали ему под ноги. Сам хан принес в дар монастырю 300 золотых из шахской казны.

На другой день, рано утром, прислал хан в монастырь свой гарем. А до рассвета освободили монастырь от людей, заперли все ворота и пропустили гарем под прикрытием полотняного навеса. Я же послал к вечеру семь сортов различных шакарлама и посуду с шербетом, а также вино и водку. После осмотра храма гаремом, присутствующие собрали все свечи придела, а я отнес в лагерь пять маленьких медных икон и два больших образа успения святой богородицы и вознесения христового. Помимо всего прочего, отдал я пять баранов, хлеб и гата. После этого, по моей просьбе, хан дал мне пять рахамов (гра-

мот): первый рахам—на утверждение меня католикосом, чтобы я управлял по примеру моих предшественников; второй рахам—относительно монастырей, что вокруг Эривани, о том, чтоб с них ничего не брали ни продуктами, ни людьми, и чтобы вообще они были бы освобождены от всего; третий рахам—об оставленных персами на хранение в святом престоле и в окружных монастырях и в селах араратского края вещах, которые похитили турки, —чтобы их от нас обратно не требовали; четвертый,—если кто-нибудь перейдет в ислам, чтобы перешедший не требовал бы себе части от отцовского дома, дома братьев и родственников.

В тот же вторник хан двинулся из Эчмиадзина в Паракар, куда в среду, к нему в лагерь, отправился и я, взяв с собой пять ягнят, хлеба-лаваш и гата. Остался я там на одну ночь, а в четверг меня вернули в монастырь, откуда послал я к хану своего заместителя, который догнал хана в Егварде, в четверг, и ночевал там, а утром в пятницу и его вернули в монастырь. Сам же хан лишние вещи и пленных из Егварда отправил в сторону Бджни, в Гехаркуни, что около Севанского моря [озера] и там устроил парад войскам и разделил их на три части».

После этого Кретацци описывает битву при Мупрек-тепе и ее тяжелые последствия для турок.

АКОП ШАМАХЕЦИ

ПОХОДЫ ТАМАС-КУЛИ-ХАНА (НАДИР-ШАХА) И ИЗБРАНИЕ ЕГО ШАХОМ.

И вот, ведать надлежит, что в оное время, в 1170 году эры армянской [1721 г. нашей эры] авганцы большими силами вторглись из Кандагара и завоевали у шаха Султан-Гусейна Исфагань—столицу его и завладели многими городами этой страны. И водительствовавал ими некий Мамед, в тот год воцарившийся над ними. И было это в 1171—1722 году нашей эры, октября двенадцатого дня.

Поднялись и соседние недруги шаха персидского и захватили области и города Персии и, таким образом, сильную убыль понесли кизилбаши.

Но один из сыновей шаха Султан-Гусейна, по имени Тамас, бежавший от авганцев из Исфагани, находился в это время в Хорасане—в городе Мешед. И вот собирает он под свою руку тамошних кизилбашей и властвует над ними. И назначает Тамас начальником собранных им войск некоего мужа—удачливого, способного и храброго—из Хорасана, области Баварт, по имени Надир-кули.

Сделавшись властелином, царевич Тамас снимает с него это имя и, из большой любви к нему, жалует ему свое: Тамас-кули-хан. И посылает его с многочисленным войском в Исфагань на авганцев, пока еще находившихся там. Прибыв туда, Тамас-кули-хан разбивает авганское войско с шахом Ашрафом во главе и, принудив авганцев к бегству из Исфагани, овладевает городом и водворяется там. И было это в 1178 [1729] году нашей эры, ноября четвертого.

Через несколько дней Надир вызвал царевича Тамаса и возвел его на родительский престол. Затем, с большим войском, после многих приготовлений, двинулся на Шираз и отобрал его со всеми городами этой страны.

Оттуда пошел он на Хамадан, Урмию и Кирманшах и отнял эти города и их области у авганцев. Далее спустился на Тавриз и также овладел им. Таким же образом взял и Ардабиль. Из Тавриза по трем причинам Надир скоро вернулся в Хорасан, осадив по пути авганский город Герат, и захватил его.

И вот, когда он завоевал столько городов и областей, дела его пошли успешно и он усилился. Тогда он коварно принялся враждовать с шахом Тамасом, на глазах войска называл его неудачником, трусом и пьяницей, и с злым умыслом вновь переехал из Герата в Исфагань и, сладкоречием овладев сердцами войска, низложил шаха Тамаса и отправил его в Хорасан, в город Сабзавар, где велел держать под надзором. А на его место посадил его малолетнего сына и назвал его шахом Аббасом. И было это в 1181 [1732] году эры нашей, августа двадцать второго. Но, не желая оставить ребенка-шаха Аббаса в Исфагани, он отправил его в Казвин, переменяв столицу. И, после этого, взяв все свое войско, двинулся на страну луров и покорил их.

Оттуда пошел он на Багдад и, осадив его, начал сильно теснить. Узнав об этом, султан османский посылает на выручку Багдада войско с полководцем Османом-пашой, Топалом по прозвищу.

Тамас-кули-хан, узнав о его прибытии, двинулся на него, и они сразились. Кизилбаши, понеся поражение, обратились в бегство. Но Тамас-кули-хан быстро собирает войско и внезапно снова нападает на Османа, побеждает и обращает врагов в бегство и убивает Османа. Отсюда опять наступает на Багдад и остается там.

Увидев это, правитель Багдада, Ахмед-паша, заключает с ним мирный договор с какими-то льготами для себя, на которые хан соглашается. И случилось это в 1183 [1734] году.

Отсюда Надир опять возвращается в Тавриз. В Гилян не едет, ибо после того, как шах Тамас вернулся в Исфагань и вступил на родительский престол, русские, удовлетворившись этим, добровольно оставили Гилян, Баку и Дербент и ушли в свои пределы.

С той же целью из Тавриза пошел Надир на Шемаху, отнял ее с ее округом у лезгин, оттеснив их в Дагестан—их страну, а сам, выступив из Шемахи, двинулся на Гянджу и осадил крепость, занятую гянджинским пашой с османским войском. Отсюда он посылает на Тифлис хана гянджинского, который отнимает город у османов. Оттуда он посылет этого военачальника с отрядом на Сюник—в Нахичевань. Тот, прибыв, изгоняет османов и овладевает Нахичеванью. Сам же [Надир] несколько месяцев беспокоит гянджинскую крепость разными машинами [осадными орудиями], но не успевает взять ее. Поэтому он оставляет там потребное количество войска, а сам в 1184 [1735] году нашей эры подступает к Карсу, занятому значительным гарнизоном Керпулу-оглы-Абдуллахом, пашой тамошнего сераскера. Этот последний выступил против хана и стал сражаться с ним. С обеих сторон были павшие, но потом сераскер отступил в крепость и не смог уже делать вылазки и биться с ханом. А тот тоже не смог держаться у Карса. Поэтому Надир отступил и направился на Эриванскую крепость, где засели укрепившиеся османы.

Но когда Тамас-кули-хан прибыл в область Абаран, то католикос Авраам Фракийский выехал из нашей свято-престольной резиденции к нему на свидание. Хан принял его с достойными дарами, любовью и расположением, высоко почтил нашего католикоса и посадил с собою за стол. Во время беседы хан сказал: «Халифа, я хочу съездить в Ючкилисе на поклонение, ибо слышал, что место это—весьма чтимое». И католикос Авраам тотчас пригласил его в святой престол.

Хан прибыл с большим отрядом и остановился у святого престола, и было это в три часа пополудни. Поэтому украшенный мудростью патриарх наш изготовил достойное угощение и дары, отвез их в стан—в шатер хана, который, любезно приняв все, выразил благодарность патриарху нашему и облек его в драгоценный златотканый халат и высказал ему много обнадеживающего и полезного. Здесь наш мудрый патриарх осмелился просить [хана] о разрешении ему вместе с братией притти в облачении и подобающе торжественно ввести его в

святой храм. И хан приказал сделать это. Поэтому исполненный мудрости патриарх наш Авраам тотчас же возвратился к святейшему престолу, облачился, и таким же образом облачил и духовенство, и с крестами, свечами и многочисленной братией высокого сана и простыми монахами выступил из святого престола. Духовенство, с патриархом нашим в середине, чинно с пением молитв, двинулось к шатру Тамас-кули-хана.

Когда он узнал о нашем прибытии, то тотчас же вышел из шатра и сел на коня. И велел то же сделать и патриарху, и тот исполнил. А мы духовные, с пением шествуя перед ними, весьма торжественно ввели хана в святой прекрасный храм, и когда он узрел его, то был очень удивлен и восхищен. Да и по-истине удивителен и прекрасен был храм наш, ибо в те времена святейший престол необыкновенно блистал покрытыми золотом ликами и цветами, церковными сосудами, многочисленными священнослужителями и мирянами. В особенности поражало зрителей святое место сошествия едиnorodного, о котором я теперь не в силах достаточно изъяснить, ибо тороплюсь, тем более, что в другой истории я уже говорил о нем, о желанном души моей. И потому скажу только, что место это, подобно столбу лучезарному,—посреди святого, великого храма, поражающего всех восхищенных созерцателей. Постояв перед ним, хан расспросил о нем, а также и о других вещах, получив от патриарха достойные ответы, а потом осмотрел церковь и, опустившись на седалище перед алтарем, велел начать моление. И мы приступили к служению всеобщей, так как время было вечернее. По окончании молитв и песнопений, патриарх наш стал благословлять хана на турецком языке, ибо он очень хорошо знал и говорил по-турецки. Хан, выслушав, остался очень рад и доволен и, встав с седалища, приложился к святому евангелию, которое держал патриарх. И велел казначею заплатить триста флорин, каковые тот тотчас же выдал, а протом, поднявшись, уехал в свой шатер. И случилось это в 1184 [1735] году эры нашей, в начале июня месяца.

В это время заместителем святого престола был благочестивый отец наш, многомудрый епископ Александр Бюзандаци.

Патриарх наш за двенадцать дней до своего выезда выслал его навстречу великому хану, и он попал в руки османских разведчиков, которые, захватив его, хотели убить, но так как владыка оказался им знакомым, то они его не тронули, и он живым и здоровым возвратился в святой престол наш.

При Аврааме Мушском, католикосе, он [Александр Бюзандаци] опять был послан по делам святого престола в Эривань. Во время его возвращения оттуда, бежавшие воины османские схватили его и, обобрав до гола, отняли все его вещи, а ему копьем поранили спину. Многострадаец этот, по-истине великий труженик и деятель во многих делах и истинный сын святого престола, которого да вознаградит Господь.

Вернемся к нашему повествованию. Тамас-кули-хан в третьем часу дня выехал в селение Паракар и там узнал, что сержант Абдулла-паша, выступив из Карса, прибыл в Абаран и идет на него. Поэтому хан поспешно собрал все свое войско и, двинувшись в сторону Эриванской крепости, направился к равнине у селения Егвард. И там, выделив весь обоз своего стана, отправил его к морю Гехамскому [озеру Севан или Гокча], а при себе оставил своих храбрых воинов, число которых, как говорили, доходило до 18 или 21 тысячи.

Объезжая это поле, заметил хан высокий холм, называвшийся по-тюркски «Ах-тапа», и выбрал его для укрепления, а находился [холм этот] на восток от селения Егвард, около речки Хураздан, называемой ныне Зангой. Хан приказал войску возвести вокруг этого возвышения каменную ограду, в рост человека, что и выполнено было немедленно. Сделал он это для того, чтобы, в случае неуспеха, войско его могло укрыться там, а при возможности и обороняться.

В эти дни Абдулла-паша со стотысячным войском пришел на северный склон горы Ара и под этой горой расположился станом против войска персидского, так как место являлось укрепленным. Увидев это, находчивый хан Тамас [-кули] придумал способ заставить [турок] спуститься на равнину. Для этого он заранее разделил свое войско на полки и одни послал в засаду, а с другими остался сам на вершине укрепленного хол-

ма. Но войско свое он расставил так густо, что издали казалось, что там, вместо двенадцати тысяч, только семь.

На утро следующего дня, когда османы увидели это, то они подумали, что персы и в самом деле малочисленны. Это их прельстило и они, ни с чем не считаясь, набрались храбрости и спустились на равнину, чтобы через нее пройти к Эривани, где укрепились османы. Тогда хан, обрадовавшись, тотчас же спустился с войсками с холма и бросился на них. Началась битва. Османы понесли страшное поражение и обратились в бегство. О том, как это произошло, я здесь по подробностей не привожу, ибо это я уже описал в другой истории¹. Но скажу только, что после сражения, когда считали павших, то со стороны османов нашли сорок тысяч, а со стороны персов—пятнадцать или двадцать тысяч. В числе первых пал и сержант Керпулу-Абдулла-паша. После этой удачи великий хан велел назвать холм этот Мурад-тапа, соорудить на нем здание из тесанных плит, вроде своего шатра, а под ним устроить водоем. Это было начато и закончено. Устроителем этих работ был некий из братии святого престола, по имени Степан-вардапет, который воздвиг это сооружение, сохранившееся и поныне. Затем [хан] оставил часть войск под крепкой цитаделью Эривани, чтобы османы не ушли из нее, а с остальными поднялся на большую гору Агмаган, что недалеко от Эривани, к востоку от нее, на отдых, так как были летние дни. И пока он находился там, гянджинский паша, сидевший в Гянджинской крепости, вышел из нее со своими войсками и войсками татарского султана и явился к стопам хана—великого победителя. И тот принял его благосклонно, пожаловал его халатом и отпустил в страну его.

В этом месте хан справил свадьбу своего сына [пропуск в тексте], а также и племянника, сына его брата [пропуск в тексте], а когда жаркие летние дни начали сменяться свежи-

¹ В приводимом тексте рукописи Акоп Шамахеци неоднократно отсылает читателя к «другой своей истории». Считаю необходимым отметить, что это «другая история» Акопа Шамахеци в архивах пока не обнаружена.

ми, спустился со своими войсками с этой горы и направился к Карсу. Во время этого похода он послал для набегов несколько отрядов к Баязету и Кагызману, а сам окружил Карс и со всех сторон стал теснить находившихся в нем. Отсюда он также для набегов в ближние и дальние области Карса—в Кайкули, Джавахет, Чалдыр, Гёла, Ардаган, Ольты, Нариман и в окрестности Эрзерума—отправил [отряды], которые разорили эти места и пригнали в стан всех жителей их с их добром. Привезли в главный стан большую добычу также из Баязета и Кагызмана. Когда это услышали и увидели жители Карса, то пообещали очистить и сдать Эриванскую крепость и за советом отправили своих главарей в Эрзерум. Из Эрзерума к Тамас-кули-хану, которому везло в удачах, были посланы для переговоров влиятельные люди и главари духовенства. Узнав об этом, хан обрадовался, одарил послов и назначил хана, чтобы он явился в Эривань и очистил крепость. Крепость была очищена, и сидевшие там османы ушли в свою страну невредимыми со всем своим имуществом, увезя с собою половину военного снаряжения. И было это сентября двенадцатого. Из Карса хан двинулся в Тифлис и там приказал вывести из Эриванской области и отправить в Хорасан, в город Мешед, триста семейств, а также двести семейств из Нахичеванской области. Пленников Карсской области также распорядился сослать в Хорасан. Приказы его были исполнены. О том, как доставили их, я уже писал подробно в другой истории.

Выехав из Тифлиса, [хан] переправился через большую реку Куру и, приведя в покорность лезгин, проживавших на лесистых склонах Большого Кавказа, прибыл в Дербент. Оттуда снова направился в Новую Шемаху и далее—в широко раскинувшуюся равнину Мугани.

Должно знать, что когда он победил всех врагов, завладевших страной кизилбашей, он, выгнав их в свои пределы, войной освободил от их тирании все области царства: Исфгань, Шираз, Кох, Гилян, Иезд, Кирман, Лар, Бендер-Аббас и другие приморские гавани, а также Шуштар, т. е. Шош, Дубас, Хавиза и весь Лористан, Хамадан, Кирманшах, Урмию,

Марагу, Тавриз, Хой, Салмаст, Нахичевань, Эривань, Тифлис, Гянджу и Шемаху,—приказав после завоевания перенести этот последний прославленный город в местность Ахсу, что и было исполнено,—Дербент или Дамур-Гапу, Барду, Артавил, Гилян, Зангян, Султанию, Казвин, Кум, Кашан, Тегеран и Герат с их округами. И вот, когда он завоевал эти города и дела его пошли удачно, он усилился и стал очень жестоким. Своим умением и, в особенности, освобождением всей страны от врагов, он приобрел среди персидского войска большой авторитет, и тогда он увидел, что настал удачный день и выгодное время для осуществления его намерений. Поэтому, перед тем как выехать на Мугань, он приказал, чтобы там собрались ханы, султаны, государственные представители, влиятельные, духовные и именитые люди из всех подвластных ему областей и городов, как своей, так и других народностей, и были бы готовы к его прибытию на Мугань. И все поспешили выехать по получении этого приказа. Сам же он, 12 января, приехал из Шемахи на Мугань и велел выдавать из казны на расходы всем съезжавшимся и чтобы все они каждое утро являлись к нему на «селям» для приветствия.

В эти дни на [Мугани] собрались все отставшие и все были готовы в месяц рамазан. И когда приблизился день байрама, хан за день до этого приказал раскинуть шестидесятишести-метровый шатер на двенадцати столбах. В первый день великого байрама, 3 февраля, когда все собравшиеся по обыкновению утром шли на «селям»—поздравить великого хана с праздником, он приказал выделить из них почетных лиц и привести их к себе в большой шатер. Выборные вошли с большим страхом и благоговением и, приветствуя хана поклоном, поздравили его с байрамом. И хан приказал им сесть по правую и левую стороны, и они уселись в предуказанном порядке. В голове правой стороны восседал османский посол, выше-названный Гяндж-Али-паша, а в голове левой—старший брат Надира—Ибрагим-хан, за которыми по порядку сидели его сыновья и сыновья брата его, а потом—русский посол. С ними восседал и многомудрый и неутомимый патриарх наш Авраам Фракийский—ниже восьми и выше сорока ханов.

Находчивый и гениальный хан, ублаготворив всех речами, угощал вкусными кушаньями, освежал сладкими напитками, благоуханием розовой воды и курениями, услаждал и веселил музыкальным пением, игрой и танцами юношей. Таким способом он привлек к себе, а затем с миром отпустил гостей, и они, поднявшись, разошлись по своим стоянкам.

На следующий день, в 3 часа, он велел всем выйти из стана, а начальникам всех округов и городов собраться в одно место со своими людьми. Затем явились туда семеро: Мирза-Заки, Мирза-Мехти, Векил-Тамас, Мирза-Абдул-Гамид и Мирза Али-Акбар с майарбаши и сандухтаром [казначеем] великого хана. Эти люди созвали представителей по группам и сказали им:

«Великий хан повелевает, чтобы каждый из вас пошел и посоветовался с другими, кого вы желаете и просите стать великим властителем и шахом над вами и страной вашей, дабы он сохранил вас и страну вашу в мире. Его вы и провозгласите вашим господином и царем, ибо хан уже состарился и утомился от многих войн. Теперь он с помощью божьей освободил от врагов Персию и другие ваши страны и поручает их вам. Затем он желает удалиться в Хорасан, в свой дворец, и там помолиться за вас и за себя. Теперь мы передали вам его волю и повеление, чтобы вы все ушли и посоветовались до 9-ти часов, а затем опять бы снова явились сюда и сообщили нам ваше решение, дабы мы могли передать его великому хану».

После этого все разошлись по своим местам. Из услышанного они уразумели намерение и желание сообразительно-го великого хана самому сделаться шахом; поэтому все волеиневолей пришли к соглашению, что желают иметь шахом его. С этим решением все вскоре возвратились в назначенное место. И эти семеро выборных, опросившие каждого в отдельности, решили что все они проникнуты одним желанием, а потому отправились к великому хану и доложили, что все единогласно желают видеть его своим господином и владыкой.

На следующий день было повелено всем собраться там же, куда пришли и эти семеро, из которых Векил-Тамас сказал:

«Слушайте, ханы, султаны, халиф армянский [патриарх] и все прочие, вот что сказал великий хан: «Так как вы не оставили меня и не пожелали, чтобы я возвратился домой на отдых, то я подчиняюсь вашему желанию, но прошу, чтобы все вы исполнили три вещи: первое,—если где-либо после этого появится сын шаха или кто-либо из рода его, то все вы обязаны не примыкать к нему, не принимать его и не содействовать ему. Второе,—проклятия и ругательства, которыми вы наделяли Омара и Османа, обязаны вы более не повторять; также обязаны вы в день мугарема во имя Гасана и Гусейна не обезображивать и не окровавливать ваши лица, ибо из-за этого между нами, двумя магометанскими народами, чтящими коран, происходят столкновения, пленения и кровопролития. Но разница в молитвах наших должна оставаться, дабы мы молились по-своему, и они тоже по-своему, но чтобы напрасно друг друга не обижали и не оскорбляли,—чтобы они не обижали наших хаджи, едущих в Каабу, и не требовали бы ничего лишнего, считая их своими братьями, и почитали бы их. И так, как в Каабе молятся на все четыре стороны, то и вы должны молиться на все стороны. И третье,—так как вы пожелали поставить меня шахом над вами, то должны вы и после моей кончины оставаться верными моему дому и роду и не проявлять непокорности и вероломства. И эти три обета обязаны вы подтвердить письменно и под страхом проклятия удостоверить вашими печатями и дать мне». Вот в чем заключается повеление и просьба великого хана. Что вы скажете на это? Согласны ли вы или нет?»

И все в один голос ответили, что согласны и повинуются. И тотчас же была прочитана фетва, и все отпущены с миром.

И возвратились по домам своим все эти одуроченные, и не поняли бедняки, что властелин, не пощадивший шаха их, также поступит и с ними, ибо, связывающий сильного, намерен разгромить и дом его, и также, убивающий садовника, не пощадит и сада его,—и они, овцы, ставят своим пастырем волка.

4543 - 2000
(23373)

« Ազգային գրադարան

NL0030443

Цена 1 руб.